

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В БИОГРАФИЯХ НАУЧНЫХ СОТРУДНИКОВ СВКНИИ ДВО РАН

И.Л. Жуланова, И.С. Голубенко

СВКНИИ ДВО РАН

ул. Портовая, 16, Магадан 685000, Россия; e-mail: metamor@neisri.ru

Первый на севере Дальнего Востока академический институт (ныне Северо-Восточный комплексный НИИ им. Н.А. Шило ДВО РАН) отмечает день своего рождения, начиная с 4 марта 1960 года. В силу особой истории нашего края и специфики Крайнего Севера коллектив института отличается высокой "мобильностью". Причина не только в отдаленности и суровых природных условиях, что долго выдерживать способны далеко не все, но и в сложностях организации здесь научных исследований. В итоге накануне 60-летия института без специальных разысканий невозможно даже просто перечислить всех участников Великой Отечественной войны, когда-либо трудившихся в стенах СВКНИИ. Однако некоторые имена и интересные факты восстановить удалось. Но сначала – для лучшего понимания общей ситуации – историческая справка.

Предыстория СВКНИИ ДВО РАН

Хозяйственное освоение самой далекой окраины России составляет одну из наиболее драматичных страниц истории XX века. Четверть его – с начала 30-х до середины 50-х годов – все стороны жизни здесь определяла и контролировала единая мощная административно-карательная структура – трест "Дальстрой" ОГПУ-НКВД-МВД СССР, главной задачей которого было обеспечивать максимально возможный объем добычи золота для государства (Бацаев, 2002). Практически неисчерпаемым источником даровой рабочей силы служила собственная (не подчинявшаяся ГУЛагу) система исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ "Севвостлаг" и его управление УСВИТЛ). Геологи же и другие специалисты в общем случае оформлялись на работу в Дальстрой по индивидуальным трудовым договорам. Деятельность треста, начинавшаяся с "Золотой Колымы", к окончанию войны охватила почти 3 млн км². На современной административной карте этому суммарно отвечают Магаданская область, Чукотский автономный округ (ЧАО), восточная половина Республики Саха (Якутия), Охотский район Хабаровского края и север Корякского округа Камчатского края. Сложность и разнообразие геологического строения столь гигантского региона требовали четкой координации работ, а поиск месторождений полезных ископаемых, круг которых неуклонно расширялся, – изучения закономерностей их генезиса. Для этих целей к концу 30-х годов в структуре Дальстроя из первых разрозненных организаций было создано единое Геологоразведочное управление (ГРУ ДС) с сетью территориальных подразделений и Научно-методическим отделом (НМО), размещавшимся в Магадане. НМО ГРУ ДС по сути представлял собой первое научное учреждение на Северо-

Востоке страны. Оно действовало исключительно эффективно, чему в огромной мере способствовал характерный парадокс эпохи: в числе "врагов народа" на Северо-Восток прибывали многие выдающиеся представители отечественной геологии и циничный политический режим не стеснялся использовать их ум и знания.

В послевоенные годы эффективность горнодобывающих предприятий стала резко падать, и со смертью Сталина (05.03.1953) фактически совпало экономическое банкротство Дальстроя (Бацаев, 2007). Уже 18 марта 1953 года МВД СССР было освобождено от производственно-хозяйственной деятельности, трест "Дальстрой" передан Минцветмету СССР и началась ликвидация исправительно-трудовых лагерей, предварительно переподчинённых Министерству юстиции. В декабре 1953 года административные функции Дальстроя были возложены на впервые организованную Магаданскую область, в 1957 – трест ликвидирован, а ГРУ ДС преобразовано в Северо-Восточное геологическое управление (СВГУ) Министерства геологии и охраны недр СССР – крупнейшую в регионе разветвленную организацию с численностью только постоянных сотрудников свыше 10 тыс. человек. Территория его деятельности включала Магаданскую область (куда вошел и ЧАО), Охотский район Хабаровского края, Камчатку. Важнейшим видом работ на следующие 20 лет для СВГУ стала государственная геологическая съёмка масштаба 1:200 000 с последующим составлением номенклатурных (маркируемых согласно общемировой системе географической разграфки) листов Государственной геологической карты СССР (современная аббревиатура – Госгеолкарта-200/1). Составление листов – квинтэссенция производственной геологии. Их высокое качество обеспечивалось сопутствующими специализированными (стратиграфические, петрографические, металлогенические и др.) исследованиями, для выполнения которых на базе НМО ГРУ ДС была создана Центральная комплексная тематическая экспедиция (ЦКТЭ) СВГУ.

Другим общественно значимым шагом на пути реформ конца 50-х годов явилась организация Сибирского отделения (СО) АН СССР. Предусматривалось строительство Академгородка под Новосибирском и образование сети подчинённых учреждений в Сибири и на Дальнем Востоке, где уже существовали Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Якутский, Дальневосточный филиалы АН СССР, институты в Южно-Сахалинске и Красноярске. Весной 1960 года этот список пополнил магаданский СВКНИИ. Главный смысл создания на Северо-Востоке академического учреждения отражало определение "комплексный" – дань подходу к освоению Крайнего Севера, представлявшемуся тогда максимально эффективным. При этом естественнонаучное направление очерчивалось весьма общо – как решение крупных вопросов в области геологии и географии. Причина понятна: на тот момент в Магадане – городе, по меркам страны небольшом,

геологическая наука была представлена внушительно: помимо опытного коллектива ЦКТЭ, здесь функционировал Всесоюзный научно-исследовательский институт золота и редких металлов (ВНИИ-1) Минцветмета СССР. Он был организован в 1948 году в системе МВД СССР в рамках сугубо секретного атомного проекта для оптимизации работ по урану, но в изменившихся исторических обстоятельствах переориентирован на другие металлы (золото, олово, вольфрам, позже – платину и др.). И если для организации институтов в Академгородке приглашались крупные специалисты из центральных районов страны, то директором-организатором СВКНИИ был назначен Н.А. Шило (1913–2008) – директор ВНИИ-1 (с 1955), кандидат геолого-минералогических наук (с 1953).

Поиск научных кадров составил серьезную проблему. Сам Н.А. Шило трудился на ниве науки относительно недавно. Половину из 47 лет, прожитых до перевода в АН СССР, ему выпало проработать в системе Дальстроя, притом в самые мрачные годы. Он прибыл на Северо-Восток, в Северное горнопромышленное управление ГРУ ДС (левобережье среднего течения Колымы), по окончании Ленинградского горного института в 1937 году, незадолго до ареста первого директора Дальстроя Эдуарда Петровича Берзина, обвиненного в организации "Колымской антисоветской, шпионской, повстанческо-террористической, вредительской организации" и в августе 1938 года расстрелянного (реабилитирован в 1956). Одновременно на Колыме были развернуты массовые репрессии. Как ни удивительно, наиболее жестокому разгрому подверглось именно Северное управление – наиболее успешное в Дальстрое. (Репрессированные ..., 1999; Николаев, 2011). Но молодого специалиста репрессии не задели (Шило, 2007). К моменту организации ВНИИ-1 личный геологический опыт Н.А. Шило охватывал разведку и разработку колымских россыпей, и на этой работе за прошедшие годы он вырос в высоко ценимого руководством Дальстроя администратора (почему, надо думать, и был приглашен в 1949 году на должность заместителя по науке директора-организатора ВНИИ-1 – посланца Москвы профессора-геохимика С.П. Александрова).

Краткая история института и разыскания военного прошлого его сотрудников

Академическая карьера Н.А. Шило развивалась стремительно: с 1962 года он – доктор наук, с 1970 – член-корреспондент АН СССР, с 1974 – академик. В деле подбора кадров директору-организатору был предоставлен карт-бланш. Вместе с ним в СВКНИИ перешли шесть научных сотрудников геологического профиля, а к концу 1960 года приехали восемь молодых специалистов. В 1961 году из восьми новых сотрудников двое были из ВНИИ-1, остальные – из разных организаций и даже разных мест; молодых специалистов принято еще семь. На втором году существования института его общая численность

достигла 140 человек, из них – 58 научных сотрудников, семь из которых имели ученую степень кандидата наук. Основной костяк составили геологи, пришедшие из СВГУ. Ряд направлений возглавили лица, приглашенные директором из Москвы.

Первоначально Президиум СО утвердил в структуре института пять отделов: 1) региональной геологии и геофизики; 2) геологии месторождений полезных ископаемых, минералогии и петрографии; 3) мерзлотоведения и гидрогеологии; 4) биологии и океанологии; 5) экономики и географии, истории, этнографии и языков малых народов Северо-Востока СССР. В 1961 году они были преобразованы в 12 лаборатории (9 – геологического профиля, по одной – геоботаники и почвоведения; экономики; археологии, истории, этнографии и языков малых народов Северо-Востока СССР). В 1962 году институту приданы 5 исследовательских и наблюдательных станций, находящихся на территории Магаданской области: космических лучей "Мыс Шмидта"; мерзлотная "Анадырь"; магнитная "Среднекан"; сейсмическая "Магадан"; комплексная ионосферная (пос. Стекольный, 72 км от Магадана по Колымской трассе). Через 10 лет численность СВКНИИ составляла уже 380 человек (130 из них – научные сотрудники). Некоторые близкие по тематике лаборатории были заново объединены в отделы: 1) биологических проблем Севера; 2) космофизических исследований; 3) мерзлотоведения.

В 1972 году на базе одноименного отдела СВКНИИ, включавшего на тот момент 9 лабораторий, создан Институт биологических проблем Севера (ИБПС), в штат которого перешли 110 человек. В 1975 году в пос. Шахтерский (ЧАО), где размещалась мерзлотная станция "Анадырь", начала функционировать Стационарная комплексная Корякская геологическая экспедиция (СККГЭ), организованная на паритетных началах двумя академическими институтами: магаданским СВКНИИ и столичным ГИНОм (к настоящему времени трансформировалась в "Обособленное структурное подразделение лаборатории истории и экономики СВКНИИ в г. Анадырь"). Наибольшего же расцвета институт достиг в первой половине 80-х годов, когда общая численность достигла свыше 800 человек (из них 233 научных сотрудника, в том числе 87 кандидатов наук, 12 докторов, 1 член-корреспондент, 1 действительный член АН СССР), а структура значительно усложнилась. Но преобразования продолжались. В 1987 году магнито-ионосферные станции Дальнего Востока были объединены в Институт космофизических исследований и распространения радиоволн (ИКИР ДВНЦ АН СССР), базирующийся на Камчатке. Ему передали и профильные подразделения СВКНИИ, численность которого при этом заметно сократилась.

Сказанного достаточно, чтобы оценить, насколько непросто было собрать воедино материал о научных сотрудниках СВКНИИ для сборника, издававшегося к полувековому юбилею института. В его соответствующем разделе помещено без малого 400 кратких

биографий (СВКНИИ ..., 2010. С. 21–89). Но действительное число этим заведомо не исчерпано. Так, по причине секретности была ограничена информация о тех, кто перешел в ИКИР, есть лакуны из-за частичной утраты архивов, а по выходе книги из печати обнаружались случайные потери (досадные, но, согласно законам статистики, увы, неизбежные). Сведения о характере участия представителей старейшего поколения наших коллег в событиях Великой Отечественной войны разыскать было особенно сложно – ведь сами они уже ушли из жизни, притом за редким исключением – далеко от Магадана, уехав, кто на пенсию, кто – раньше, туда, где проживали их близкие или просто в "теплые края".

Единственным ориентиром послужили сведения о наградах, которые в советское время обязательно приводились в автобиографиях и характеристиках. Главная в данном случае – медаль "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.". Согласно статуту, ею награждались все фронтовики (как военнослужащие, так и вольнонаемные) и лица, обеспечивавшие победу своей работой в военных округах. В юбилейном сборнике пять ее кавалеров фигурируют как участники Великой Отечественной войны. Это (по алфавиту) археолог Н.Н. Диков, геологи А.П. Осипов и С.М. Тильман, мерзлотовед И.Т. Рейнюк, экономист В.В. Яновский. К счастью, в научном архиве СВКНИИ персональные документы, касающиеся военных лет, сохранились. Степень полноты их различна, но в главных чертах позволила распознать стоящие за каждой из пяти равноценных медалей жизненные реалии. Как и следовало ожидать, они оказались очень и очень разными. Пути, приводившие людей на Северо-Восток и тем более в "северо-восточную науку", были воистину неисповедимы...

Три интересных сюжета

Легче всего ответить на вопрос, каким был вклад в победу будущего кандидата геолого-минералогических наук *Алексея Павловича Осипова*. Он родился в Чите в 1925 году и, как все его ровесники, подлежал призыву в армию в 1943. Медаль "За победу над Германией" подтверждает, что свой воинский долг А.П. Осипов выполнил. Из автобиографии узнаём, что в ряды РККА он был призван в январе 1943, с октября того же года находился в действующей армии, дважды был ранен, демобилизован в 1947. В Личном листке по учету кадров соответствующая графа уточняет, что с января 1944 года и вплоть до демобилизации А.П. Осипов пребывал на территории Польши и Германии (а в 1959 году съездил туда уже как турист). На Крайнем Севере работал с 1949 года. Строчки автобиографии скупы, но тем не менее наводят на мысль, что для приезда на Колыму у молодого фронтовика могли быть особые причины. Ему выпало трагичное детство. Отец умер через два года после рождения сына, мать в 1937 году была арестована, и Алексей с января 1938 по 1941 год (видимо, до совершеннолетия, 20 сентября) воспитывался в Иркут-

ском детском доме. В 1943 году мать была досрочно освобождена и реабилитирована. Было ли связано с этим его решение работать в Дальстрое, неизвестно. Но известно не менее важное. Он начинал десятником в будущей Тенькинской комплексной экспедиции СВГУ и там последовательно прошел все профессиональные ступени вплоть до должности старшего геолога – составителя листа Р-55-XXVIII Госгеолкарты-200/1. В 1953 году окончил горный факультет Всесоюзного заочного политехнического института. Талантливый геолог-съемщик и поисковик (на его счету целый ряд месторождений золота и олова, из них Мустахское золоторудное было оперативно вовлечено в разработку), энтузиаст изучения проблемы связи оруденения и магматизма, в 1967 году он был приглашен в лабораторию рудных месторождений СВКНИИ (ее возглавлял тогда А.С. Красильников, в прошлом тоже "тенькинец"). В 1970 году в ИГЕМ АН СССР (Москва) успешно защитил кандидатскую диссертацию, в 1975 – в Новосибирском отделении издательства "Наука" вышла из печати его монография "Позднемезозойское тектоно-магматическое развитие западной части Охотско-Колымского водораздела". Но в тот же год А.П. Осипов вынужден был покинуть институт из-за ... научных разногласий с директором. Выступление кандидата наук на заседании ученого совета с критикой представлений академика Шилов (вопрос касался оценки перспектив рудной золотоносности региона) в жизни института было событием беспрецедентным (и осталось единственным). Для А.П. Осипова же – истинного участника великой войны и честного многоопытного геолога, столь рискованный поступок вряд ли был случайным. Перед историками региональной науки тем самым был поставлен и до сих пор остается открытым важный со многих точек зрения вопрос – так кто же был в этой коллизии прав?..

Противоположный вариант "колымской судьбы" являет собой биография **Ивана Тихоновича Рейнюка** – самого старшего из научных сотрудников СВКНИИ, награжденного медалью "За победу над Германией". Он родился в 1910 (по другим документам – в 1908) году в пос. Камейки Чкаловской (ныне Оренбургской) области, в крестьянской семье. Рано начал самостоятельную жизнь: в 1926 году уехал в Москву, оттуда – в Ленинград. Работал на фабрике, окончил среднюю школу для взрослых и курсы подготовки в вуз. В 1931 году поступил, в 1937 – окончил физический факультет Ленинградского университета по специальности геофизика, и был направлен в трест "Дальстрой" как метеоролог. Работал в различных учреждениях: Северном горнопромышленном управлении, Управлении гидрометеослужбы, институтах "Дальстройпроект" и ВНИИ-1. В 1962 году по приглашению Н.А. Шилов Рейнюк перешел в СВКНИИ и без малого 10 лет проработал в лаборатории мерзлотоведения и гидрогеологии (заведующий – С.В. Томирдиаро) сначала в должности младшего научного сотрудника, затем – старшего инженера. Занимался

исследованием актуальной в теоретическом и прикладном отношении проблемы – распределением температур по высоте в атмосфере и по глубине в литосфере под влиянием поля силы тяжести. По инициативе администрации СВКНИИ получил почетное звание "Ветеран труда Магаданской области". В декабре 1971 года вышел на пенсию по возрасту. Документы, сохранившиеся в личном деле, свидетельствуют о необычайно трудной, но более чем достойно прожитой жизни первоклассного знатока своего дела с твердыми моральными устоями, заложенными еще в многодетной крестьянской семье. Он сам имел пятерых детей, из которых трое старших погибли при эвакуации из Ленинграда в 1941 году. История, сейчас кажущаяся удивительной: возвращаясь в конце 1940 года из первого отпуска обратно на Колыму, супруги – конечно, из лучших побуждений – оставили детей с бабушкой. Эта трагическая ошибка – на совести государства. Она свидетельствует, что советские люди – даже достаточно много повидавшие (работники Дальстроя иными быть не могли) – на самом пороге рокового 1941 года совершенно не осознавали, чем грозит стране война, уже вовсю полыхавшая в Европе. Сталинская пропаганда действовала успешно...

Но в армию И.Т. Рейнюк официально не призывался, все 35 лет его трудовой деятельности прошли на Северо-Востоке (подавляющее большинство вольнонаемных специалистов Дальстроя, как известно, в войну имели так называемую бронь). Откуда же медаль "За победу над Германией"? Наиболее вероятным представляется, что Иван Тихонович получил боевую награду как метеоролог в составе служб, которые обеспечивали безопасность перегона в СССР американских самолетов по секретной трассе "Аляска-Сибирь" (Алсиб). Теперь уже не тайна, что ее значительный отрезок пролегал над территорией, контролируемой Дальстроем, а с весны 1942 года гражданский воздушный флот, строивший и эксплуатировавший Алсиб, был подчинен Военно-Воздушным силам Красной Армии. По сути это тоже был военный призыв, только засекреченный...

На заметку будущим историкам. Личное дело И.Т. Рейнюка, в сравнении с остальными, здесь использованными, на редкость богато документами, раскрывающими самые разные стороны жизни рядовых сотрудников Дальстроя в один из тяжелейших периодов отечественной истории. Сохранилась, например, радиограмма еще на имя Берзина (скорее всего, из порта Ванино) о находящейся там без средств жены И.Т. Рейнюка с грудным ребенком, следующей к мужу, и ответное разрешение на ее въезд в Нагаево. Не меньше впечатляет рукописный оригинал заявления И.Т. Рейнюка от 10.01.1942 "Начальнику Отдела Кадров ГУС ДС тов. Никишичеву" с просьбой предоставить возможность выехать на материк любыми средствами (пароходом или самолетом) его жене к единственной оставшейся в живых их 5-летней (старшей) дочери (та самая девочка, которую в 1937 году при-

везли на Колыму), поскольку ее бабушка (мать И.Т. Рейнюка) и вторая малолетняя дочка, эвакуированные из Ленинграда в Омскую область, умерли. Короткий ответ начальника 1-го отдела ОК ГУС ДС: "Выезд на материк до весны запрещен". И люди работали дальше...

Третий (совершенно неожиданный) сюжет – из жизни **Вячеслава Вячеславовича Яновского**, родившегося в 1921 году в Ленинграде в семье научного работника – заставляет задуматься о загадках человеческой природы. Военная биография будущего экономиста отмечена двумя медалями: "За оборону Ленинграда" (получена в 1943 году) и "За победу над Германией". Эти факты позволили предположить, что он был призван в армию с самого начала войны. Документы из личного дела внесли ясность. После окончания в 1939 году средней школы в Ленинграде, В.В. Яновский поступил учиться в Институт внешней торговли (незадолго до того переведенный из Ленинграда в Москву), а в ноябре того же года был призван на действительную службу. Окончил курсы младшего комсостава и в должности младшего командира принимал участие в советско-финской войне 1939–1940 годов. В 1940 году выдвинут на комсомольскую, затем – политическую работу. С 1941 по 1945 год – участник Великой Отечественной войны на Ленинградском и 2-м Прибалтийском фронтах, во 2-й Московской армии ПВО (комиссар батареи, агитатор артполка, строевой командир). В 1942 году присвоено звание политрука, он принят в партию; с 1943 – старший лейтенант. После демобилизации (1946) возобновил учебу. Окончил институт в 1951 году, специальность по диплому – экономика внешнеторгового транспорта. Был направлен на работу в Венгрию, в одну из служб Главного Управления советским имуществом за границей. В связи с реорганизацией уволился и в 1952 году заключил договор с Дальстроем. Как экономист работал на разных должностях в этой системе вплоть до ее ликвидации (1957), затем – в Магаданском совнархозе. В СВКНИИ принят в январе 1961 года в качестве и. о. начальника отдела экономики и географии и вскоре переведен заведующим лабораторией экономики с последующим утверждением Президиумом СО АН СССР. В сфере научных интересов лаборатории находились тогда вопросы формирования народонаселения, использования трудовых ресурсов, транспортных связей Магаданской области.

До 1974 года оценки В.В. Яновского, содержащиеся в многочисленных характеристиках, во всех отношениях – профессиональном, общественно-политическом, моральном – безупречны. Его включают в состав Межведомственной комиссии по проблемам Севера при Совете по производительным силам Госплана СССР, объявляют благодарности, а в 1967 году награждают орденом "Знак Почета"! Научная тематика конкретизируется: в 1968 году он возглавил лабораторию народонаселения и трудовых ресурсов. Системати-

чески публикует научные статьи, в 1969 году в Магаданском издательстве выходит из печати его книга "Человек и Север". Казалось, дело благополучно идет к защите диссертации. И вдруг в январе 1974 года – громкий скандал, сводящий практически на нет всё достигнутое. Партийная комиссия Магаданского обкома КПСС обнаружит факты незаконной деятельности Ученого совета по экономическим наукам при Якутском государственном университете, в которой В.В. Яновский, будучи членом этого совета, активно и небескорыстно участвовал. Он исключен из партии, переведен на должность младшего научного сотрудника лаборатории экономики обслуживающих отраслей. В течение двух лет завершает плановые темы, и в июле 1976 года трудовой договор с ним расторгнут по согласованию сторон... Печальный и поучительный пример того, как далеко могут расходиться слова и дела одного и того же человека – кажимость и сущность. Но где истоки подобной двойственности?

Великая Отечественная война и судьбы выдающихся ученых СВКНИИ

Среди крупных научных фигур института кавалеров медали "За победу над Германией" было двое. Наиболее титулованное имя – *Николай Николаевич Диков* (1925–1996). Родился в г. Сумы Украинской ССР в семье учителя. Начало жизни было нелегким. В 1932 году родители умерли, и его усыновила сестра матери, проживавшая в Ленинграде. Далее – война, эвакуация в Сибирь, призыв в армию, учеба на историческом факультете Ленинградского университета. В 1949 году получил диплом и был оставлен в аспирантуре (научный руководитель – доктор исторических наук, в будущем академик А.П. Окладников). С 1953 года – кандидат исторических наук. На Северо-Востоке – с 1955 года, директор Чукотского окружного краеведческого музея в г. Анадырь. Создатель северо-восточной археологической школы и один из организаторов СВКНИИ, где первоначально был назначен заведующим отделом экономики и географии, истории, этнографии и языков малых народов Северо-Востока СССР. С момента реорганизации структуры института в 1961 году и вплоть до возвращения в Санкт-Петербург из-за тяжелой болезни (1995), бесменно руководил лабораторией археологии, истории и этнографии. Это был неутомимый археолог-полевик, превосходный организатор, первооткрыватель и многолетний исследователь уникальной Ушковской палеолитической стоянки на Камчатке. Выдвинул гипотезы о северном автохтонном происхождении древнеэскимосской культуры и проточукотской принадлежности внутриконтинентальных памятников Чукотки. В 1972 году защитил докторскую диссертацию, в 1979 – избран членом-корреспондентом АН СССР (рис. 1). Автор многих книг по археологии и истории, представляющих интерес не только для специалистов, но и для широкого читателя. Его работы изданы в США, Канаде, Франции, Англии, Италии, Чехословакии, Японии, Южной Корее, Чили. Заслуги на научном

поприще неоднократно отмечались государственными наградами, среди которых ордена "Знак Почета" и Трудового Красного Знамени. С 2000 года на базе СВКНИИ регулярно проводится региональная научно-практическая конференция "Диковские чтения", издаются ее материалы (в 2018 году состоялась юбилейная X сессия).

Рисунок 1. Член-корреспондент АН СССР Николай Николаевич Диков в своем рабочем кабинете. СВКНИИ. Вторая половина 1980-х гг.

Возвращаясь к Великой Отечественной войне, следует подчеркнуть, что Николай Николаевич никогда не позиционировал себя в качестве ее участника. Как и его ровесник А.П. Осипов, он был призван в армию в 1943 году, но ему выпали тыловые войска. В одном из документов, хранящихся в личном деле, рукой Н.Н. Дикова написано, что служил рядовым в различных воинских частях на оборонном производстве, в частности, в 1944–1945 годах – на Центральном автомобильно-ремонтном заводе НКО № 112, где и получил медаль "За победу над Германией". В честь 20- и 30-летия Победы был награжден юбилейными медалями,

Самой же яркой личностью среди ученых СВКНИИ, в биографии которых важное место заняла Великая Отечественная война, был *Соломон Маркович Тильман* (1919–1994). Его судьба в определенной мере иллюстрирует то положительное, что принесла ненадолго бесправной части населения царской России Октябрьская революция. Он был старшим из трех сыновей в еврейской семье скромного достатка (отец – сапожник, мать – швея, работавшие по найму), проживавшей в небольшом городе Новозыбков, что на са-

мом стыке России, Украины и Белоруссии (административная принадлежность неоднократно менялась, в настоящее время это юго-западная окраина Брянской области РФ). Если бы не революция, С.М. Тильман, думается, имел не очень много шансов поступить в Московский университет. Но в тот недолгий исторический отрезок, когда антисемитизм на пространстве бывшей Российской Империи под давлением победившего в 1917 году интернационализма "ушел в подполье", талантливый, энергичный и целеустремленный (каким оставался до последних дней) Соломон Тильман успел окончить Новозыбковскую школу-десятилетку, стать студентом геолого-почвенного факультета МГУ (1936) и перевести в Москву родителей... "Еврейский вопрос" в стране зазвучит снова в 1949 году, когда Сталин поставит знак равенства между интернационализмом и космополитизмом. Но сначала – о годах войны.

Диплом геолога С.М. Тильман получил весной 1941 года, в июле был призван в ряды РККА, а в сентябре направлен на дополнительную учебу в Высший военный гидрометеорологический институт Красной Армии (Таджикская ССР, г. Ленинабад). В феврале 1943 года окончил курсы военных метеорологов при этом институте и получил назначение в действующую армию, в 319-ю истребительную авиационную дивизию Центрального фронта ПВО, где служил до конца войны. Должность – инженер-метеоролог, звание – младший техник-лейтенант (рис. 2). В сентябре 1945 года награжден медалью "За победу над Германией", в декабре уволен в запас по Указу Президиума Верховного Совета СССР как специалист-геолог. Но до нача-

ла работы на Северо-Востоке его ожидал еще достаточно длинный (по меркам молодости, конечно, – демобилизованному лейтенанту было всего 26) профессиональный путь.

Фактически его отсчет начался еще до войны. Студент-старшекурсник Соломон Тильман полтора года работал коллектором в Северо-Кавказской комплексной экспедиции АН СССР, а затем еще год, вплоть до призыва в армию – в системе Главгидростроя НКВД уже в должности начальника Нижнедонской геологической партии. Опыт военного метеоролога наверняка не был лишним, так что в мирную жизнь вернулся вполне зрелый, с широким кругозором специалист. Первое ведомство, в котором после войны довелось ему работать – Министерство угольной промышленности Западных районов СССР. Как

старший инженер геологического отдела Технического управления осуществлял разведку угольных месторождений и руководил службой шахтной геологии в Подмосковном угольном бассейне. Здесь С.М. Тильманом написана первая научная работа: "К вопросу о строении и генезисе угленосной толщи Подмосковного бассейна" (Фонды треста "Угле-разведка", Москва, 1947 г.). В августе 1947 года перешел в систему Горно-геологического управления Главсевморпути (ГУСМП) при Совете Министров СССР, трест "Арктикраз-ведка". Познание Крайнего Севера началось с п-ова Таймыр, где в течение трех полевых сезонов (1948, 1949, 1950) он возглавлял геологические партии, проводившие мелкомас-штабную съемку и поиски полезных ископаемых на "белых пятнах", в западной части по-луострова (хребет Бырранга – самая северная материковая горная система на планете). Ре-зультаты отражены в ежегодных геологических отчетах (Фонды ГУСМП, Москва). Какое-то время занимал должность старшего инженера в геологоразведочном отделе Арктикраз-ведки. Без отрыва от производства прошел курс заочной аспирантуры, сдал кандидатский минимум по иностранному языку и специальности.

Дальнейший рассказ опять приходится начинать со слов: "И вдруг...". Но если В.В. Яновский в случившемся с ним "вдруг" скандале целиком и полностью виноват сам, то неожиданный поворот в судьбе С.М. Тильмана (перевод в Узбекистан, см. далее) был малой составляющей бесчисленных неприятностей, бед и несчастий, обрушившихся на советских граждан вскоре после победы. Историки видят разные причины последнего этапа сталинских репрессий. Из бесспорных на первом месте – "холодная война", спуско-вым крючком которой считается "Фултонская речь" Черчилля (1946). Но эта причина – глобальная. Напрямую с ней связана, например, такая трагедия международного масшта-ба, как иезуитская расправа над созданным в 1942 году самим же Сталиным Еврейским антифашистским комитетом СССР, главой которого был назначен, а после войны тайно убит сотрудниками МГБ всемирно известный актер и общественный деятель Соломон Михоэлс (1890–1948). А на жизни рядовых советских евреев прежде всего сказалось по-явление на карте мира в 1948 году независимого государства Израиль. Как хорошо из-вестно, это стало возможно лишь благодаря великим державам – СССР и США. Однако известно и то, что очень быстро отношение Сталина к Израилю кардинально изменилось, поскольку, вопреки его планам, Израиль стал пользоваться поддержкой США, которые с появлением у СССР атомной бомбы (1949) окончательно превратились для советской по-литической верхушки из бывшего союзника в потенциального противника. Как следствие в 1950 году в стране был официально запущен механизм последовательного "очищения от лиц еврейской национальности" всех значимых областей экономики, науки и культуры [Млечин, 2006].

Эта государственная акция единственная способна объяснить внезапное откомандирование С.М. Тильмана – многообещающего исследователя важнейшего района советской Арктики (на рубеже 50-х годов на Таймыре был открыт уран) и к тому же с довоенных времен – москвича, имеющего большую семью (жена, малолетняя дочь, престарелые родители), на южную окраину страны, в систему Министерства хлопководства СССР (трест "Средазводпроект", г. Ташкент, Узбекская ССР). Формальным основанием послужила производственная нужда на строительстве Главного Туркменского канала (один из объектов "Сталинского плана преобразования природы"). В действительности же прибывший в Ташкент С.М. Тильман 20 января 1951 года был назначен начальником партии института "Средазгипроводхлопок" и получил задание составить гидрогеологический очерк бассейна р. Сыр-Дарья, что никакого отношения к Туркменскому каналу не имело и не отвечало специальности командированного (тем не менее задание было выполнено: очерк числится в списке его рукописных трудов).

Смириться с откровенной несправедливостью (чтобы не сказать гонением) любому человеку трудно. Тем более не таков был характер фронтовика и полярного геолога. Выход он нашел в возможности заключить трехлетний трудовой договор с трестом Дальстрой, поскольку годом раньше (1950) Совет Министров СССР принял специальное постановление о беспрепятственном и немедленном освобождении лиц, желающих работать "на строительстве Дальнего Севера" (так именовался Дальстрой в открытых документах). Реальные шаги Соломон Маркович предпринял уже через месяц после приезда (благо в далеком и жарком Ташкенте, хоть сегодня это кажется невероятным, нашелся уполномоченный Дальстрой). Но добиться положительного решения даже по гарантированному государством вопросу было непросто. И 31 марта 1951 года он подает докладную записку заместителю министра МВД Узбекской ССР, который оперативно направил в городской суд просьбу вынести "судебное определение о немедленном откомандировании инженера-геолога тов. Тильмана С.М. в распоряжение МВД Узбекской ССР". И только в конце мая Министерство хлопководства СССР спустило соответствующее указание директору института "Средазгипроводхлопок"...

Сказать, что человек, согласившись работать в Дальстрое, "вырвался на свободу" – не очень веселый парадокс. Однако будущее показало, что случай с С.М. Тильманом – как раз такой. Его биография после подписания индивидуального трудового договора (18.05.1951) – это подъем без сбоев вверх по профессиональной лестнице специалиста, который всегда находил возможность делать свое дело творчески. В документах дальстроевского периода информация о сути выполнявшихся работ скупа. Но некоторые приметы времени просматриваются. Так, судя по архиву С.М. Тильмана, ГРУ ДС в начале

50-х годов испытывало большую нужду в квалифицированных кадрах. Среди мест, куда предлагалось направить нового сотрудника, – оловоносный Омсукчан, детище атомного проекта Чукотстрой (поиски и разведка урана) и, наконец, Нижне-Индигирское РайГРУ (пос. Ожогино Якутской АССР), в пользу которого всё и решилось. Там С.М. Тильману была поручена организация отдаленного Краснореченского угольного разведучастка (очевидно, был учтен опыт его работы в Подмосковном угольном бассейне). Служебная аттестация осени 1952 года гласит, что в сложной обстановке он проявил много инициативы, быстро освоился с местными условиями, завоевал авторитет как специалист и с 8 января 1952 года переведен на должность начальника Омчикандинского разведрайона, в структуру которого входил разведучасток. Из сопутствующих документов узнаём, что вместе с мужем работала Раиса Бенциановна Тильман (должность – старший экономист). Здесь они оставались до осени 1954 года, став свидетелями судьбоносных для Дальстроя событий – выведения треста из подчинения МВД и начала ликвидации исправительно-трудовых лагерей. Характерная деталь: весной 1953 года С.М. Тильман назначен начальником Омчикандинского Лагпункта № 2 Нижне-Индигирского ИТЛ без освобождения от должности начальника Омчикандинского разведрайона Нижне-Индигирского РайГРУ. Это убедительная иллюстрация того не слишком афишируемого факта, что в Дальстрое практически каждое подразделение ГРУ ДС сопровождалось одноимённым подразделением УСВИТЛа (Бацаев, 2002).

В ноябре 1954 года Соломон Маркович был переведен во вновь создаваемое Сеймчанское РайГРУ. Оно было организовано на рубеже 1954–1955 годов путем слияния Юго-Западного горнопромышленного управления Дальстроя и Нижне-Колымского РайГРУ (центр первого – пос. Сеймчан, второго – пос. Зырянка) и стало одним из крупнейших в ГРУ ДС. Территория работ простиралась от побережья Северного Ледовитого океана до Охотского водораздела, спектр видов – максимально широкий (от разведки россыпей до геологической съемки всех масштабов). Емкий очерк о Сеймчанском РайГРУ можно найти в материалах II Диковских чтений (Палымский, 2002). Его автор – доктор наук профессор Борис Федорович Палымский (1931–2018), младший коллега Соломона Марковича, работавший в Сеймчане с 1957 по 1984 год. Воссозданный им групповой портрет мощного, высокопрофессионального, увлеченного коллектива делает понятным, почему именно Сеймчанское РайГРУ стало для С.М. Тильмана стартовой площадкой в "большую науку".

Здесь он впервые был привлечен к работам обобщающего характера. Первая должность – старший геолог группы сводных карт. Но делом, предопределившим всё дальнейшее, стало для С.М. Тильмана составление листа Q-58 Государственной геологической

карты СССР масштаба 1:1000 000 (Госгеолкарта-1000/1). Площадь миллионного листа на этих широтах (64–68° с. ш.) – около 130 тыс. км² (нынешние Латвия и Литва, вместе взятые), геологическое строение в данном конкретном случае – сложное, но для специалиста – исключительно интересное. Эта работа на Северо-Востоке тогда только начиналась и была не всякому по плечу, так что факт назначения сам по себе свидетельствовал о высокой квалификации автора-составителя. Ведь он должен не только одинаково хорошо владеть вопросами геоморфологии, стратиграфии, магматизма, структурной геологии, полезных ископаемых, но и уметь синтезировать всё это, опираясь на тектонический анализ. Тектонику нередко называют философией геологии, поскольку она, оперируя всей разнообразной эмпирической информацией, позволяет перейти к обобщающим выводам: интерпретировать глубинное устройство территории, реконструировать историю ее геологического развития, оценить перспективы на полезные ископаемые. Судя по всему, именно тогда Соломон Маркович нашел свое истинное призвание.

Поскольку изученность территории листа Q-58 оставалась недостаточной, в структуре РайГРУ была создана специальная экспедиция, где С.М. Тильман был назначен главным геологом. В узловых районах проведены полевые работы (С.М. Тильман, Б.Ф. Палымский, И.А. Панычев, 1957–1959). В камеральный период параллельно с геологической картой составлялась карта полезных ископаемых, и каждая сопровождалась объяснительной запиской. Редактором был первопроходец "Золотой Колымы", впоследствии один из ведущих отечественных металлогенистов доктор наук Виктор Тихонович Матвеев. До передачи в печать листы и записки проходили многоступенчатую экспертизу: сначала в СВГУ, затем – в головном институте Министерства геологии СССР – ВСЕГЕИ (Всесоюзный геологический институт, Ленинград). Последняя инстанция – Научно-редакционный совет (НРС) ВСЕГЕИ. Таким образом, процесс составления миллионного листа становился для автора еще одним "университетом", а успешное завершение вводило в круг профессиональной элиты.

Лист Q-58 был утвержден НРС 29 ноября 1960 года. Но еще раньше его автор привлек внимание Николая Алексеевича Шилов. Дальновидный администратор, он безошибочно оценил большие потенциальные возможности С.М. Тильмана как лидера научных регионально-тектонических исследований в только-только возникшем СВКНИИ. Добиться перевода ценного специалиста из министерской системы в академическую потребовало определенной тактики. Первый шаг – откомандирование С.М. Тильмана в распоряжение ВНИИ-1 как выигравшего конкурс на должность старшего научного сотрудника, приказ о чем начальник СВГУ И.Е. Драбкин подписал (не мог не подписать) 26 апреля 1960 года. Дальше всем распоряжался Н.А. Шило. В тот же год Соломон Маркович был назначен ру-

ководителем отдела региональной геологии и геофизики СВКНИИ. А с 1961 года и вплоть до возвращения в Москву (1984) занимал должность заведующего лабораторией региональной тектоники.

С сегодняшней более чем полувековой вершины видно, что в истории СВКНИИ это была самая эффективная "научная ячейка" во главе с неповторимой личностью, легенды о чем живут до сих пор (Бялобжеский и др., 2010). По материалам листа Q-58 уже в 1961 году С.М. Тильман защитил кандидатскую диссертацию, которая еще через год была издана как монография в серии Трудов СВКНИИ (Тильман, 1962). И это был их первый выпуск! А самой важной работой начального периода, получившей уже всесоюзный резонанс, стало оперативное создание первой цветной Тектонической карты Северо-Востока СССР (масштаб 1:2500 000, издана в 1966 году). В состав авторского коллектива входили В.Ф. Белый, А.А. Николаевский, С.М. Тильман (он же осуществлял общее руководство), Н.А. Шило. Научный руководитель – доктор наук Ю.М. Пушаровский (ГИН АН СССР, Москва), научный консультант – академик А.А. Яншин (СО АН СССР). Объяснительная записка (небольшая монография "Тектоника Северо-Востока СССР") опубликована в 1969 году. Любопытно, что этот выпуск Трудов СВКНИИ был уже 33-м. Ученые института трудились напряженно, и Соломон Маркович был в числе первых, кто придавал работе соревновательный дух и сам демонстрировал высокие темпы. Главным фактором эффективности лаборатории была мудрость кадровой политики заведующего, суть которой составляло соединение в деле опытных геологов-производственников, пришедших в институт из СВГУ, и молодых специалистов, приезжавших в Магадан из лучших вузов страны. Не меньшее значение С.М. Тильман придавал контактам своего коллектива, особенно молодежи, с ведущими учеными. В итоге под его руководством 10 сотрудников лаборатории защитили кандидатские диссертации (рис. 3).

Рисунок 3. Профессор С.М. Тильман и его ученики-коллеги (слева направо: Леонид Красный, Анатолий Чехов, Станислав Бялобжеский) в лаборатории региональной тектоники СВКНИИ. 1983 г.

Особого внимания и хлопот требовали, конечно, полевые работы. В СВКНИИ, по сравнению с СВГУ, их организовывать с финансово-бюрократической стороны было несравненно проще, но с практической – много сложнее, особенно в части транспорта и связи. Учитывая это, нельзя не оценить смелости и мужества сотрудников лаборатории. Вдохновленные идеями своего "шефа", они небольшими группами (частично – при его непосредственном участии) сумели раскинуть сеть полевых наблюдений практически по всей гигантской территории Северо-Востока: остров Врангеля, Восточная Чукотка, бассейны рек Большой и Малый Анюй, междуречье Колымы и Индигирки, и даже вышли за его пределы – в верховья Амура, район строительства БАМа. Сам Соломон Маркович уже в 1970 году защитил докторскую диссертацию. Она легла в основу фундаментальной монографии, где дан сравнительный анализ мезозойских тектонических структур крайнего северо-востока Азии и северо-американских Кордильер (Тильман, 1973).

Обо всем, что было сделано за четверть века тектонистами СВКНИИ, в одной статье не расскажешь. Но хочется не упустить из вида едва ли не ведущее свойство С.М. Тильмана как ученого – острый интерес ко всему новому в своей науке. Для мировой тектоники конца 60-х – начала 70-х годов это было переключение внимания на океаны, в

нашем регионе – на зону перехода от континента к океану (низовья р. Анадырь, Корякское нагорье, север Камчатки). И Соломон Маркович приложил много усилий, чтобы организовать совместно с московскими геологами (ГИН АН СССР) специализированную экспедицию, в обиходе до сих пор называемую Корякской (СККГЭ, расшифровку аббревиатуры см. выше). Ее деятельность составила неповторимый (своего рода "пионерный") этап в жизни лаборатории региональной тектоники и завершилась изданием Тектонической карты Востока СССР и сопредельных областей масштаба 1:2500 000 (1979) и в качестве объяснительной записки к ней – коллективной монографии "Тектоника континентальных окраин северо-запада Тихого океана" (М. : Наука, 1980). Эта работа была удостоена Золотой медали ВДНХ.

Тесные контакты со столичными специалистами помогли Соломону Марковичу осуществить то, о чем он вслух не говорил, но что наверняка хранил в душе – мечту вернуться туда, где начиналась его биография геолога. И в 1983 году, когда Москва активно готовилась к проведению XXVII сессии Международного геологического конгресса, опыт, огромная эрудиция и организаторский талант С.М. Тильмана понадобились "наверху". Он был приглашен в Институт литосферы АН СССР (ИЛСАН), где трудился до последних дней. Красивым итогом "второго московского периода" (и точкой на профессиональном пути) стала Тектоническая карта Северо-Востока Азии третьего поколения (масштаб 1:5000 000). Она издана в 1992 году под эгидой Тихоокеанского совета по энергетическим и минеральным ресурсам. Авторы С.М. Тильман и Н.А. Богданов (директор ИЛСАНа, член-корреспондент РАН), редактор – академик Ю.М. Пушаровский; объяснительная записка – брошюра (авторы Н.А. Богданов, С.М. Тильман) под актуальным для тех лет названием "Тектоника и геодинамика" (многие геологи и сейчас не могут точно сформулировать разницу между этими понятиями). Автограф Соломона Марковича на экземпляре, подаренном родной лаборатории (20.01.1993) – это пожелание патриарха, подводящего итоги, тем, у кого еще многое впереди: *"Моим коллегам и ученикам с любовью и пожеланием успехов в мобилизме"* (рис. 4). Мобилизм – новая, уже не просто тектоническая, а именно геодинамическая парадигма, пришедшая на смену учению о геосинклиналях, господствовавшему в течение 100 предшествовавших лет. Ее восприняли далеко не все бывшие магаданские сотрудники и соавторы Соломона Марковича. Но он нового не боялся никогда...

Заслуги С.М. Тильмана на научном и научно-педагогическом поприщах получили достойную оценку. Он имел ученое звание профессора и почетное звание "Заслуженный деятель науки РСФСР". В 1993 году Президиумом РАН за фундаментальные труды по геологии Северо-Востока России ему была присуждена премия имени академика А.Д. Ар-

хангельского – весьма престижная в профессиональном сообществе. В СВКНИИ никогда не забывали, что он – единственный из научных сотрудников, кто в течение всей Великой Отечественной войны находился в рядах Красной Армии. В семейном архиве хранится много юбилейных наград и персональных поздравлений, которыми государство чествует участников войны в ознаменование великой Победы. Самая высокая – орден Отечественной войны II степени, полученный Соломоном Марковичем в 1985 году.

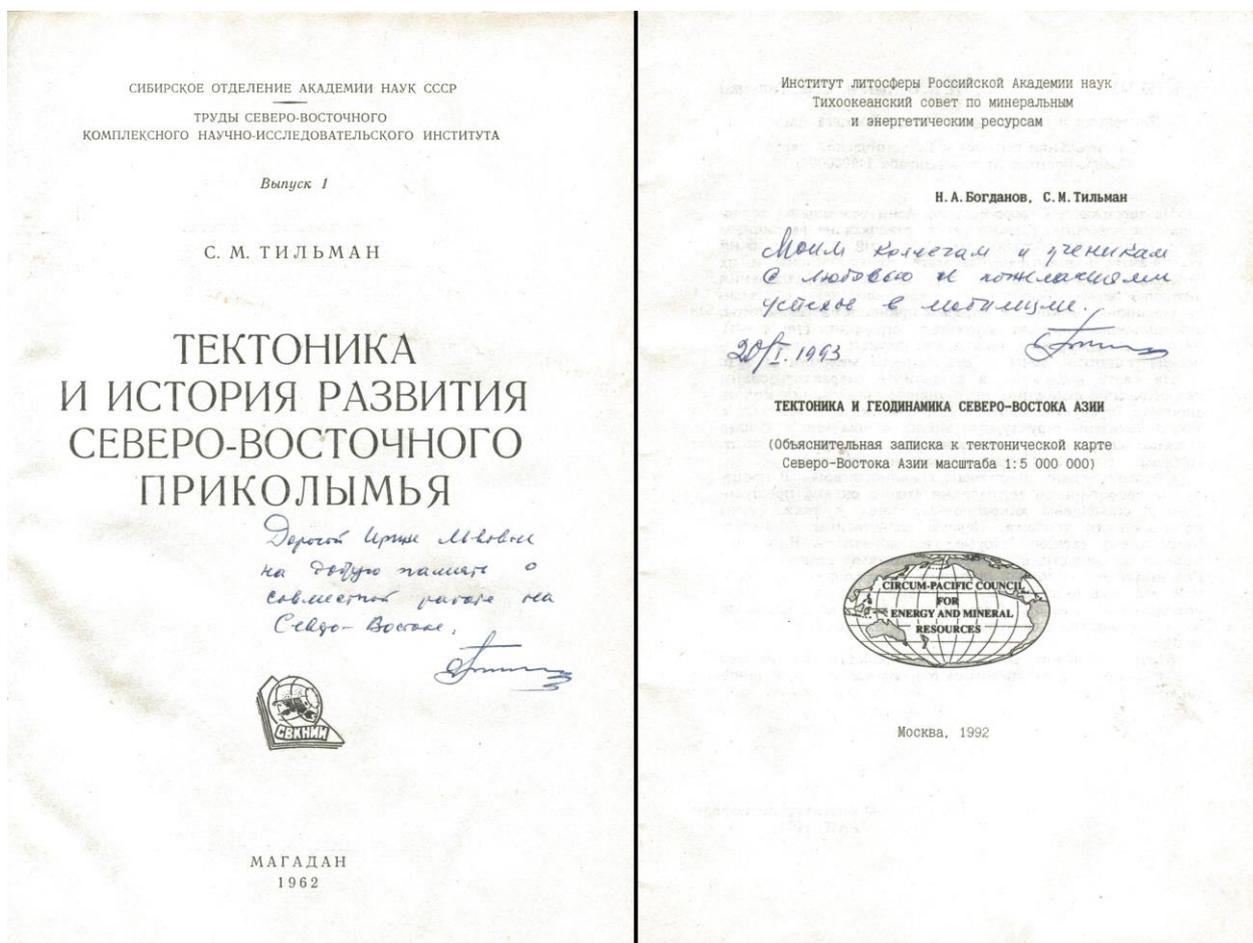

Рисунок 4. Титульные листы первой и последней книг С.М. Тильмана с автографами автора. Надпись слева – И.Л. Жулановой (1980 г.).

18 ноября 2019 года исполнилось 100 лет со дня рождения этого замечательного человека и выдающегося геолога.

Вместо заключения

Единичные счастливые судьбы наших коллег – участников Великой Отечественной войны, заставляют задуматься, сколько же талантов и умов она унесла. И пока еще не похоже, что эти потери за прошедшие три четверти века восполнены. Какое будущее нас ждет – не знает никто...

Авторы благодарят Любовь Соломоновну Тильман – выпускницу геологического факультета МГУ, научного сотрудника СВКНИИ с 1972 по 1994 год, за деятельную помощь в подготовке статьи.

ЛИТЕРАТУРА

Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953). Дальстрой. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. 217 с.

Бацаев И.Д. Очерки истории Магаданской области (начало 20-х – середина 60-х гг. XX в.). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2007. 255 с.

Бялбжеский С.Г., Петров А.Н., Чехов А.Д. О лаборатории тектоники и научном вкладе ее коллектива в изучение геологии региона // VI Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию Н.Н. Дикова и 50-летию СВКНИИ ДВО РАН. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2010. С. 19–23.

Млечин Л.М. Иосиф Сталин – создатель Израиля. М.: ЭКСМО, 2006. 370 с.

Николаев К.Б. Жизнь и смерть Эдуарда Берзина. Документальное повествование. Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 2011. 228 с.

Палымский Б.Ф. Сеймчанское РайГРУ (1955–1961) // II Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Дальстроя. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 232–236.

Репрессированные геологи / гл. ред. В.П. Орлов. Изд. 3-е, испр. и доп. М.–СПб., 1999. 452 с. (МПР РФ, ВСЕГЕИ, РосГео).

Тильман С.М. Тектоника и история развития северо-восточного Приколымья. Магадан, 1962. 192 с. (Тр. СВКНИИ СО АН СССР; вып. 1).

Тильман С.М. Сравнительная тектоника мезозоид Севера Тихоокеанского кольца. Новосибирск: Наука, 1973. 327 с. (Тр. СВКНИИ ДВНЦ АН СССР; вып. 40).

СВКНИИ ДВО РАН – 50 лет академической науке на Северо-Востоке России / гл. ред. Н.А. Горячев, отв. ред. А.Ю. Пахомов. Магадан: Охотник, 2010. 134 с.

Шило Н.А. Записки геолога. В 2 т. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2007. Т. 1. Формирование дальневосточной науки. 300 с. Т. 2. Моя научная деятельность расширяется. 511 с.